

Юрий Безелянский

Нулевые, боевые, пенсионные

Воспоминания
и дневник
москвича

Книга третья |
2000-2010 годы

Юрий Николаевич Безелянский
Нулевые, боевые,
пенсионные. 2000–2010 годы
Серия «Воспоминания и
дневник москвича», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67367726

*Нулевые, боевые, пенсионные. Воспоминания и дневник москвича. Книга
третья. 2000–2010 годы:
ISBN 978-5-00170-545-1*

Аннотация

«Нулевые, боевые, пенсионные...»-это первое десятилетие XXI века. Конец лихих 90-х и строительство новой России. Остатки демократии и свободы, но уже тоталитарный накат, цензура, многочисленные запреты и табу. И в этих условиях автор книги, пенсионер по статусу, продолжал биться на всех фронтах СМИ: книги, газеты, журналы, Радио, ТВ, творческие вечера и презентации новых книг. И всё это на фоне плохого самочувствия, нездоровья. Заработанные деньги шли на зарубежные поездки: Франция, Австрия, Италия и т.д. Жизнь бурлила и клекотала. Знакомые шипели: «Завалил Москву своими книгами». За успехом упорно шли зависть и недоброжелательство. В общем, напряжённое, но интересное

время, которое располагает к различным воспоминаниям. Особенно это будет интересно прочесть ровесникам, родившимся в довоенные годы. Надеюсь, что и молодые читатели не останутся равнодушными...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
2000 год – 67/68 лет	8
Запад. Путешествия. Туризм. Кусочек чужой жизни	28
Париж	30
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юрий Безелянский
Нулевые, боевые,
пенсионные. Воспоминания
и дневник москвича. Книга
третья. 2000–2010 годы

© Безелянский Ю.Н., 2022

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2022

Предисловие

*Мы с тобой ни в чем не виноваты.
Этот мир печальным сотворен:
Храм восхода – он и храм заката.
Храм начала – и конца времен.
Не случайно свет один и тот же.
Под густой зарею розов путь.
Беззащитно жизнь свою итожа,
Мы детьми становимся чуть-чуть...*

Александр Кушнер

Первый том (1932–1989) – детство, война, юность, школа, начинающий поэт, стилига, «Нищий студент» (оперетта Карла Миллекера, 1882). Первые профессиональные шаги: бухгалтер, редактор, журналист. Командировки по стране и туристические поездки на Запад...

Второй том (1990–1999). От социализма к капитализму с нечеловеческим лицом. Но при этом свобода творчества, никакой цензуры. Весенний разлив газет, журналов, радиоканалов, ТВ – печатался и выступал почти везде: от «Вечернего клуба» до «Нового русского слова» (Нью-Йорк), от «Науки и жизни» до «Огонька», от «Работницы» до «Космополитена». Останкино, сериал «Старая квартира», «Академия любви» на «Дарьял ТВ». Первая книга «От Рюрика до Ель-

цина», а затем другие, одна за другой. Крутился, как белка в колесе, несмотря на свои 70 лет. 90-е годы – мой небольшой творческий Эверест.

И вот – третья книга (2000–2010). Нулевые – лично для меня как продолжение 90-х. Был популярен и востребован. Боролся, бился, сражался. В итоге сделал себе имя. Кто-то из читателей удивится, восхитится или пожмет плечами: ну и что?! Просто у одного интеллигента в очках, у москвича, родившегося на Арбате (роддом им. Грауэрмана) так причудливо сложилась жизнь, которую он скрупулезно фиксировал в своих дневниках. Не я первый и, надеюсь, не последний...

Дневники сокращены и олитературены. Быт, творчество, здоровье, погода, общественная и политическая обстановка в стране. Все не в одном стакане, в каком-то большом котле, где текст шипит и кипит. А можно сравнить с коктейлем из разных ингредиентов. Вкушайте, вникайте, читайте. Может быть, кому-то мой личный опыт сражения с жизнью пригодится.

Итак, приступаем к многослойной исповеди одного московского пенсионера.

9 марта 2021

2000 год – 67/68 лет

Главные итоги года: выход в свет книги «5-й пункт, или Коктейль “Россия”», начало многолетнего сотрудничества с журналом «Алеф» (Нью-Йорк, Иерусалим, Москва), поездка в Париж. И еще много чего, в частности, съемки на «Дарьял ТВ» двух многосерийных программ: «Четырехугольник» (история, культура, криминал, любовь) и «Академия любви». «Горбачев-центр», творческий вечер в ЦДЛ, книжная ярмарка, Останкино, газеты, журналы, отдых и выступление в Звенигороде...

Ну, а теперь после анонса событий игра в бисер: подборка эпиграфов к 2000 году.

*Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя,
самосочиняется.*

Федор Достоевский

*Все мы немного у жизни в гостях, Жизнь – это
только привычка...*

Анна Ахматова

Наша жизнь выглядит как набросок.
Жюль Ренар (1864–1910), французский писатель

*Дни пролетели и годы;
Наши заботы, труды,*

*Наши беседы, походы, —
Вот мы и стали седь,
Вот проступила сутулость —
Сколько воды утекло!
Как это долго тянулось,
Как это долго тянулось,
Как это быстро прошло...*

Семен Ботвинник, петербургский поэт (род. в апреле 1922)

3 января – как встречали новое тысячелетие? Дома, вдвоем. Была идея вечером пойти на Тверскую и посмотреть иллюминацию, но все перебил Ельцин. Днем 31 декабря последовало сообщение об его отставке, а потом показали ТВ-картинку, как он говорил: «Я ухожу...» и просит прощения у народа за несбывшиеся надежды. А потом уже в пальто, показывая рукой преемнику Путину: вот, мол, кабинет президента, он теперь ваш. Ужасная сцена, драматическая. Мужественный акт добровольного ухода с президентского поста. Пока 47-летний Владимир Путин (7 окт. 1952) – и.о. президента, в марте выборы и нет сомнения в его избрании. Эпоха Ельцина закончилась, начинается новая: путинская.

Реплика, спустя 19 лет: в тот момент никто не знал, как развернется Россия при молодом президенте. Она отвернулась от Запада, «встала с колен» и затеяла опасные геополитические игры на международной арене. В итоге страна, отринув демократические институты, позиционирует себя новой империей с возвратом к православию и сталинизму, что и привело

ее положение «в кольце врагов», к осажденной крепости и обложенной во всех сторон санкциями. Оп-па, разворотец!.. (10 мая 2019)

Мне довелось жить при многих правителях-властителях страны: при Сталине, Маленкове, Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве, Ельцине и вот – «малыш» Путин, выходец из недр КГБ (недавно на Западе вышла книга «Оперативник в Кремле» – 2019). Молодой, энергичный, прагматичный, жесткий (Лубянка все же!).

Все новогодние ТВ-программы в ночь на 1 января были скомканы и затерялись, разумеется, и новогодняя программа «Дарьял ТВ», где я снимался со всей командой и даже прочел какие-то стихи. А по другим каналам Лолита надрывалась про мани-мани, а Малинин исполнял вечные «7.40»...

1 января с Ще поехали на Тверскую, 2-го в дальнюю рощу. 3-го не выходил из дома и печатал для «Дарьяла ТВ» программу «Неделя в четырех гранях» (история, криминал, культура, любовь). А потом вернулся к книге «Коктейль “Россия”». Позвонил Стриж с некоторой обидой на самого себя: «Ты пишешь авторские книги, а я только составительские...» А я вспомнил своих коллег и знакомых по радио, сколько способных ребят с отменным образованием, а кончился Советский Союз, и они почти все оказались на мели: их пропагандистское умение оказалось невостребованным, и я опередил их всех, как бы заранее готовясь к неведомой новой жизни...

9 января – 3-го сидел дома, не выходил, не брился и усиленно молотил по клавишам машинки, печатал на две недели «Четырехгранник» и дневник. А 4-го продолжил «Коктейль “Россия”» – фуганул одиннадцать страниц. И это пенсия жизнь?.. 5-го на машине отвезли в Останкино, познакомился с бригадой «Доброго утра» на Первом канале (руководитель Ал. Нехорошев) и записал короткую программу с ведущей Аидой Невской. В эфир она вышла 6 января около семи часов утра, мы с Ще ее, конечно, проспали. И 6-го вышел номер «Вечернего клуба» с десятью комментариями по десятилетиям XX века: события России. Увесисто и прикладисто. А вечером по «Дарьял ТВ» маленькое шоу о Рождестве. Так что труды мои не напрасны, и знаменитому человеку на рынке продавщица-медовница подарила банку меда. Натуроплата за известность. Но почивать на лаврах некогда: продолжал «Коктейль».

14 января – раньше следил за прибавлением света, а сейчас некогда отвлекаться. А уже прибавка целого часа утреннего света.

Эдуардо заряжает нас надеждами: обещает поспособствовать поездке в Париж, и еще сообщил, что у Миши есть идея: построить большую дачу в Подмосковье, и тогда предоставим вам вдвоем целый этаж и «будешь там творить, как Дюма». Ах, дача, ах, Париж, ах, Дюма!.. Сладкие рафинадные грезы... А пока пью свой «Коктейль» – и летят странички про национальные корни знаменитых писателей. Дошел до

Набокова.

В 1919 году 20-летний Владимир Набоков со своей семьей на судне «Надежда» покинул Россию, но Россия навсегда осталась в его сердце.

«Вся Россия делится на сны», – говорил Набоков:

*Мне чудится в Рождественское утро
Мой легкий, мой воздушный Петербург.*

Чудится... Видится... Мерещится... А вместо старой России – новая Советская. Неведомая и чужая...

В 1999 году в Америке шумно, а в России скромно отмечали 100-летие со дня рождения Владимира Набокова. Вот несколько газетных определений: «Последний дворянин в русской литературе» («ЛГ»), «Свирепый маэстро головокружительного искусства» («Век») «Сердитый мастер слова» («НГ»).

Кому-то очень нравится Набоков, кому-то – совсем нет. «Нра...» Бубеннов с Бабаевским и прочие кавалеры Золотой Звезды. Я – двумя руками за Владимира Набокова. И виват!..

Итак, печатал «Коктейль “Россия”», а 11 января пришлось ехать на радио, на Пятницкую и записывать очередную порцию январских событий, случившихся в старой и новой России. Встретил Косичева, и он с раздражением сказал, что видел меня по Первому каналу и как ведущая Невская не

знала, как меня лучше представить: и писатель, и историк, и журналист, и публицист... Подтекст высказываний: да за что такие оценки? Сидел тут у нас в Бразильском отделе – ничего особенного...

Такое же недовольство выразила другая знакомая по радио некая Оля Б.: «Ну зачем ты так много делаешь, ради денег? Но всех не заработаешь...» Что сказать по этому поводу? Чужой успех раздражает многих. И кому нужен этот успех? Бывший центросоюзовец Олег Славный мечтает о пенсии, построить за городом дом и там сидеть спокойно, никуда не рыпаясь и ничего не делая...

Ну, а моя жизнь – сплошное дерганье. 13-го опять Останкино и выступление в программе с психологом Татьяной Базилевич (хороша пара: Базилевич – Безелянский)... Пытался вечером набросать строки, но дальше первых четырех дело не пошло:

*Ничего не случилось, пожалуй,
Только был новогодний рассвет.
Только легкое время бежало.
Пролетело. И вот его нет...*

Итак, сначала Первый канал, потом по «Дарьял ТВ» прошла 14-я по счету «Академия любви» об Алексее Константиновиче Толстом и его любви с романсом «Среди шумного бала», исполнял Артур Эйзен.

У меня лично не бал, сплошные трудовые будни. Начиты-

ваю, печатаю, выступаю, и стопка нечитанных газет – не успеваю. И надо готовиться к следующим выпускам «Академии». Тут выразила недовольство жена, заявив, что книг уже много, а где звания, где мантии, где приличные деньги?!

За окном ясно и лежат остатки снега, температура: –5.

18 января – в субботу 14-го поехал на съемки «Четырехгранника» и ухлопал на это 3,5 часа. Трудности с установкой света, с какими-то бликами. Текст я читаю по памяти, никакого монитора-суфлера, и поэтому иногда ошибаюсь. На следующий день, в воскресенье, снова студия «Дарьял ТВ». Две программы «Академия любви» и две любовные драмы с нашим писателем Сухово-Кобылиным и со звездами мирового кино: Мэрилин Монро и Ив Монтан.

В первой программе – рассказ, как русский барин привез в Россию француженку Симон-Деманш, женился на ней и, судя по всему, дал указание слугам убить ее. Любовь прошла, и Луиза мешала Сухово-Кобылину. Удивительно то, что драматург чтит память Луизы, и потом спустя 9 лет после ее гибели женился на очередной француженке Мари де Буглон, а затем на англичанке Эмили Смит; и Мари, и Эмилия, – какая странность! – умерли в холодной Москве. А Сухово-Кобылин свою любовную драму с долгим судебным преследованием превратил в драматическую трилогию («Свадьба Кречинского» и далее), где он горько осмеял российские порядки чиновничества и судопроизводства.

Ну, а треугольник Мэрилин – Монтан – Симона Синьо-

ре без всяких общественно-социальных обобщений, просто страсть, которая разрушает жизни. Любовь к герою-французу Монтану привела к очередной катастрофе и разбила жизнь Симоны Синьоре, разрушив ее брак с Монтаном. А на экране во время реальных событий разворачивалась милая музыкальная мелодрама «Давай займемся любовью!» (начало съемок – 1959 год). В том голливудском фильме Мэрилин была неотразима как манкая женщина.

Обо всем этом я рассказывал в «Академии любви» пяти приглашенным студенткам, в том числе двум студенткам Литературного института. Они мало что знали об этих прошлых драмах, но пытались мне подыграть, изображая заинтересованность и удивление.

23 января – все время печатаю, разъезжаю, выступаю под ворчанье Ще: «У нас не жизнь, а сплошная работа, живем не для жизни, а только ради работы...» А что делать? Взялся за гуж... вот и книгу «Коктейль» практически делаю с листа. Что касается оплаты труда, то как не вспомнить Виктора Шкловского: «Деньги у меня постоянно бывают завтра». И, честно говоря, я иногда испытываю отчаяние. И это при 9-ти изданных книгах, при двух телепрограммах, одной на радио и прочих разовых сочинений-творений. Ну, да, есть немного популярности и известности, – и что?..

Для «Коктейля» занимался справочником «Евреи в русской культуре» – и только в литературе насчитал 128 имен... 19-го в «Радуге» собрали директоров и товароведов

книжных магазинов на предмет продвижения книг, и пришлось выступать и мне. 20-го подбирал исторические вырезки для книги в «Пашков дом» – они их потом будут расклеивать...

28 января – хотели пойти на выставку «Голубая роза», не пошли: плохое самочувствие, нет сил да времени, не вылезаю из работы, как из болота. Наташа из Дортмунда по поводу новых книг: «Ты, наверно, уже миллионер!» Да, старая забава: считать чужие деньги. А мудрый Шолом-Алейхем говорил: «Странная вещь эти деньги: то их нет, то их совсем нет».

На «Дарьял ТВ» бушует старший Вайнер, которого мы за глаза с Большаковым зовем «капиталистическим спрутом». У Вайнера идея приглашать в «Академию любви» не студентов, а зрелых дам с именем. Стал названивать и приглашать. Вероника Долина почти согласилась, Вера Глаголева не может: улетает в Америку. Амалия Мордвинова согласилась, но при этом сказала, что очень занята в различных проектах и ее надо «ловить» в Питере. Ловитель Амалии – это не для меня...

25 января в «Горбачев-центре» встречался с дочерью экс-президента, очаровательной Ириной Вирганской. Договорились о сотрудничестве в «Клубе Раисы Максимовны». Поцеловал благоухающую щечку Ирины, а она – мою. Единственный позитив за всю неделю... Хотя отпечатан третий тираж книги «Улыбка Джоконды» (всего 15 тысяч экземпляров).

Печатали шпаргалки к очередным программам «Академии любви». Поздравлял с днем рождения Римму Казакову и обещал подарить «Клуб 1932», а она: «Мне уже подарили несколько штук».

31 января – описывать, что писал, что делал, что рассказывал, честно говоря, надоело. Тем более что затем все это фиксировать в дневнике. Выделю лишь смешной прикол съемок в «Академии...» в программе о Гоголе, где снимали эпизод рассказа, как Николай Васильевич в сердцах бросает в огонь последнюю главу второго тома «Мертвых душ». Никак не мог эффектно бросить стопку листов в камин, и пришлось снимать пять дублей. И писать тяжело, и сжигать написанное тяжело...

В воскресенье 30-го с утра – на студию Горького, снимали три программы с маленькими перерывами. И вновь технические накладочки с аппаратурой, то светильник падал, то еще что-то. Главный оператор Грачик исколдовался. Ну, и мне досталось. Рассказывая о Людовиге Первом Баварском и ворвавшейся в его дворцовый кабинет Лоле Монтез, вошел в раж и сбил микрофон. А во время живописания ночного разговора на веранде в Лутовиново между Тургеневым и Марией Савиной вдруг в соседней студии врубили дрель, и пришлось остановить съемки. И мне прервать рассказ о тишине ночного сада, о ночных ароматах цветов и о затаенном дыхании молодой актрисы, которая жаждала признания Ивана Сергеевича...

Итак, съемки, а потом еще воленс-неволенс, а почти что надо смотреть уже в эфирной сетке. Ще бурчит: «Тебе не надоело смотреть на себя?»

7 февраля – и все же выбрались на Волхонку смотреть «Голубую розу». Очень приятные и многослойные картины Судейкина, Арапова, Фонвизина, Борисова-Мусатова, Сапунова, Милиоти, Петра Уткина, графика Филофактова. И так захотелось прочесть про них, про жизнь, творчество и любовь, но жизнь не позволяет. По Вознесенскому: «Некогда, некогда, некогда!..» А тут еще приключения с зубами, пришлось дергать, потом укрепляющие уколы и, разумеется, незапланированные траты.

Один из сереньких журналистов Ф. из «ВК» получил на фестивале прессы какую-то премию. А у меня ни премий, ни призов. И это закономерно: они все в стае и поддерживают друг друга, а я по-прежнему одинокий волк, мало с кем общаюсь и ни с кем не пью водку. Только «Трабаахо» – работа. 5-го в субботу умудрился после рынка сесть за машинку и грохнуть 10,5 страницы «Коктейля». Интересно, кто так работает из пишущих: и на рынок ходит, и сумки таскает, и книги пишет?.. Донимает музей Гольденвейзера (хотят, чтобы я о них что-то написал), журнал «Кутузовский проспект», – отказываюсь, отбиваюсь, не справляюсь...

Сегодня в офисе Георгия Вайнера на Тверской-Ямской молодой Юрий Рябинин брал двойное интервью у меня и у Жоры для «ВК» – о литературе, о жизни, о деньгах и т. д.

14 февраля – игнорирую гонорары, но сделаю исключение, чтобы прояснить картину «миллионов». В Электрическом переулке, в офисе Вайнера, получил за программы на «Дарьяле» – 190 долларов, в рублях – 5.460 (курс 28,8). А в «Радуге» получил роялти за несколько книг – 13.724. Как там у Маяковского? «Небольшие деньги – поживи для шика...» Но в той же «Радуге» окончательно отвергли рукопись «Капризы любви» (ранее не изданная в «Рипол-классик», хотя и была подготовлена к изданию, – так получилось...)

10 февраля – ездил на Шаболовку, где башня Шухова, на канал «Культура», общение с Катей Андрониковой. Подарил книги и жду вердикта.

13-го – запись трех «Академий»: 1) отец и сын Иоганны Штраусы; 2) Николай Гумилев; 3) разные судьбы: Репин и Левитан... Домой вернулся без сил, как в тумане. Поел-поспал-пришел в себя. Раскрыл газеты, а там сплошной Путинг, Путиноведение, пудель Путина и т. д.

Попал в опрос «ВК», компания: Виктор Ерофеев, Ник. Сличенко, композитор Евгений Дога, мой антагонист Станислав Куняев...

27 февраля – выделю только: фонд Сороса закупил книги «Вера, Надежда, Любовь» для российских библиотек...

22 февраля – пригласили выступить на семинаре группы из Чебоксар (Чувашия) в Литературном институте. Все прошло замечательно, общее мнение: приходил удивительный человек, настоящий энциклопедист. И, кстати, сколько ве-

сит энциклопедист? 77 килограмм. А Ще – 75. Это для истории...

24-го готовился к ТВ: начитывал последовательно Вольтера, Бальмонта и про Лилю Брик. Интересны были воспоминания Андреевой-Бальмонт, который был «Я – весь весна, когда пою, / Я – светлый бог, когда целую». Таких божественных целовальников днем с огнем не сыщешь!.. А вечером смотрели по «Дарьялу» отснятую программу про другого кудесника жизни и карьеры – Алексея Толстого и поработавшую Тусю – Наталью Крандиевскую.

Ну, а громыхал Сергей Доренко, громил «партию грязи» и «партию подлецов». Я на такие разоблачительные взбрыки-крики не горазд. Я только лирик и ироник, не боец и не баррикадник...

2 марта – стукнуло 68 лет, а в этот день пять лет назад грохнули молодого Влада Листьева. У всех своя судьба.

27-го ездил на Пятницкую, еще одна р/с – «Открытое радио». Некто Мих. Антонов в течение 40 минут теребил меня вопросами. Разговор об истории, о книгах. А 29-го повезли в Останкино, в «Добрый день», к Андрею Малахову, по существу выполнял роль соведущего. Среди приглашенных гостей – астролог, солистка Большого театра, балерина Маша Володина и Люба Гурвич, вдова, с тремя солистками из «Летучей мыши». Программа на «ура» и это не «Дарьял ТВ», тут миллионная аудитория.

1 марта – другое мероприятие, акция «Радуги» в Доме

книги на Новом Арбате, подписал книг 20. Был Засурский, но купил не меня, а том Хаксли... Что-то барахлила коленка. Внутреннюю жалобу прекратил, вспомнив цитату из Михаила Светлова: «Пока мы жалуемся на жизнь – она проходит». Возраст? Но Анатолий Франс в 68 лет написал «Боги жаждут», Вольтер работал и после 80 лет. Так что будем работать и дальше, главное, чтобы не мешали рулящие товарищи сверху. Тут Виталий Коротич точно заметил: «Наше государство, как псих со справкой, может делать все что угодно и ни за что не отвечать».

8 марта – возвращаясь ко 2 марта – было 25 поздравительных звонков. Отмечали дома вдвоем, тихо и спокойно, коньяк «Хеннесси», тюльпанчики, мороженое-пирожное, и по «Дарьялу» смотрели «Академию любви» про отца и сына Штраусов. Вена, любовь, вальсы...

3 марта поехал на Пятницкую записывать свои исторические программы «Календарь истории». Редактор Павел Морозов: «Вы наша звезда». А звезда отбарабанил текст и поехал домой продолжать национальные исследования в книге «Коктейль “Россия”».

6 марта: утром в эфире по радио, днем презентации книг в магазине, вечером – на экране «Дарьял ТВ». А где адекватный материальный ответ? Его нет. Скромный гонорарный ручеек... Порой накатывает отчаяние, тогда ищу утешения в своих сборниках поэзии, в строчках моих любимых поэтов. Вот начало стихотворения Николая Гумилева «Театр»:

*Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актеры
В театре Господа Бога...*

И концовка:

*...Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В Театре Господа Бога?!*

13 марта – погиб в автокатастрофе успешный журналист Артем Боровик в пушкинские 37 лет (дополнение: в томе «Журналисты XX века: люди и судьбы», 2003, мы с Боровиком стоим рядом в главе «Открытый финал», я – на 601 странице, он – на 606 с подзаголовком «Он так много оставил нам...» 13 мая 2019). Печальные новости идут косяком: жертвы военных действия в Чечне, по экрану то и дело показывают похороны и гробы. Если бы не работа, то можно сойти с ума. А так, работа выручает. «Академия любви» – кладезь отвлечений. Какие люди! Какие страсти! Стендаль, Тютчев, Софья Потоцкая – готовился к очередным программам. И как не вспомнить совет Федора Ивановича:

*Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;*

*Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь...*

(25 июля 1861)

10 марта в доме кино презентация книги Георгия Вайнера «Умножающий печаль», вел Армен Медведев. Потом 60 человек уселись за столики в ресторане, как, выразился Жора, «теплые и близкие друзья». А на следующий день в «ВК» вышла публикация – двойное интервью Ю. Б. и Вайнера под заголовком «Одинокое пророки» с фотоснимком: стоим оба спина к спине, и оба с ядовитыми улыбочками.

21 марта – домашнее сочинительство, потом поездки по редакциям – «Век», «Кумиры», «Смена». А 14-го выбрались в ЦДРИ на концерт, посвященный Майе Кристалинской (член «Клуба 1932»). Задумчиво исполнила старый романс Лариса Голубкина – «У камина»:

*Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает...*

15 марта – ВВЦ, павильон 20, выставка-ярмарка «Книги России». Подписывал свои книги, но не удержался и купил две чужие: дневник Суворина и воспоминания фон Мекк.

16 марта в эфире очередная «Академия»: Илья Репин и Исаак Левитан. Две противоположности. О них написано в «Улыбке Джоконды» (1999). Взрывной, энергетический

Илья Ефимович. «Не ждали», натруженные бурлаки, обезумевший Иван Грозный... И совсем другой человек – Исаак Левитан, художник тоски и печали, и как тут не вспомнить строки Бальмонта:

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали...*

У Левитана тоска – как основная доминанта жизни. Такова была физиология его и психология. Ему советовали:
– Вот, Исаак Ильич, женились бы, были бы у вас маленькие левитанчики...

Но семья и дети Левитана пугали.

20 марта – рассчитался с налоговой инспекцией, сдал наконец-то рукопись «Коктейля», и заключили договор. Получил денежки от старшего Вайнера – «спрута» за съемки, и на горизонте – Париж...

Эдику сочинил строки к 24 марта:

*Какие могут быть слова?
Всего лишь 60 и два.
Немного, право, – и шагать
Еще вперед и не вздыхать.
И не тужить, и не роптать,
И радость жизни собирать,
Как пчелы, что приносят мед, —
Блажен, кто счастливо живет.*

24 марта – неожиданный звонок от Сергея Капланяна, он издает информационно-литературный журнальчик «Нью-Йорк инфо», просил какие-нибудь материалы. Но я уже нахожусь на волне Парижа, и ничего не хочется делать. Хожу по комнатам или сижу на диване и соображаю. Ще сделала заключение: «Ты без работы – стихийное бедствие!»

Прилетел Эдик с приглашением, и 23 марта мы с Ще с утра пошли оформлять визы на Якиманку. Постояли в очереди. Все получили. Вечером по «Дарьялу» смотрели «Академию», посвященную Вольтеру. Вольтер – это уже Франция!..

26 марта – 24-го выборы президента РФ. После того, как ВВП заявил, что будет «мочить врагов в сортире», он сразу выпал из наших кандидатов. Бороться, сражаться, ликвидировать и прочее, – это понятно, но неприятно резануло слух это бандитско-хулиганское «мочить». Извините, полковник КГБ, мы не за вас. Но и выбора нет: отвратно красный Зюганов, Подберезкин, Тулеев – все выходцы из КПРФ. Остается Явлинский, и проголосовали за Гришу. Говорит хорошо и правильно, но, увы, нет руководящей харизмы. И не мужик!..

25 марта в «ВК» опрос: «Если бы вы стали президентом, какие бы приняли первые указы?» Отвечали Мария Арбатова, Зоя Крахмальникова, композитор Вл. Дашкевич, Лев Аннинский, Шендерович, Святослав Бэлза и Ю. Б. Вот мой ответ:

«Первым же указом подвел черту под коммунистическим прошлым. Официально закончил бы коммунистический эксперимент. Покаялись бы за содеянное, за 60 миллионов погубленных жизней. С обрубленным хвостом коммунизма можно смело входить в цивилизационное общество. Ну, а далее – борьба с нищетой, преступностью, коррупцией, экономической неразберихой».

24-го – день рождения Эдика. Преуспевающий бизнесмен Миша поинтересовался моими делами, скривился по поводу «Дарьял ТВ» (это не то!), и тут же позвонил Ирине Лесневской (она его родственница), хозяйке канала РЕН ТВ, и попросил ее «принять моего дядю».

2 апреля – свои дела идут, а чужие бушуют. Журналист-киллер убрал мэра Москвы Юрия Лужкова, и мгновенные изменения в «Вечерней Москве», туда перебросили из «ВК» «сладкую парочку» – Евсеева-Михайлова. Редакция «Вечернего клуба» в панике, назначенный Ф. – это насмешка. Я перед поездкой сократил свою деятельность и занимаюсь разборкой архивов, как будто уже старик и без всякого дела.

В 64 года знаменитый Суворин записывал в дневнике: «Только злишься на эту старость, которая съедает и энергию, и талант, съедает душу. Очень скверно, но ничего не поделаешь» (12 марта 1898).

Об Алексее Сергеевиче Суворине в советское время писали так: либеральный журналист, ставший впоследствии ре-

акционером и черносотенцем (большевиков не поддержал?).

4 апреля – так долго ждали этого вожака Парижа, что перегорели в ожидании. Ще так и сказала: «Хочу, чтобы наступило 16 апреля, и мы уже приехали домой...» Следим за курсом: доллар США – 28,78 руб. Десять французских франков равны 41,82 руб. В Париже +15, дождь. В Москве +5, но дождь прекратился...

Запад. Путешествия. Туризм.

Кусочек чужой жизни

Путешествия развивают ум, если, конечно, он у вас есть.

Гилберт Честертон, английский писатель

Чем дальше отдаляются годы, тем ценнее становятся воспоминания о чужих городах и странах, в которых удалось побывать. Ну, а с возрастом тем более. Это так же остро, как первая любовь или первый поцелуй. Париж, Венеция, Вена, Амстердам, Монтрё, Монте-Карло, Баден-Баден... И наплывают картины, средневековые площади и улочки, соборы и храмы, статуи и колонны, дворцы и музеи, — и замираешь от восторга. И диван, на котором ты сидишь в домашних тапочках, неожиданно превращается в прогулочный корабль, и он торжественно плывет по Рейну и Сене...

Достаю старые записи-отчеты о поездках в Европу и вчитываюсь в буковки и слова. Естественно, кое-что опускаю, сокращаю, но при этом не меняю аромат поездок и чувство восторженного удивления. Как писал русский поэт в эмиграции Кирилл Померанцев:

*Опять по дорогам Италии, —
Порывисто дышит мотор.
Венеция, Рим и так далее,*

Помпеи, миланский собор...

Итак, гаснет свет, и на экране возникают пожелтевшие кадры хроники европейских вояжей.

Титры: апрель 2000 года, Париж... (14 мая 2019).

Париж

Он часть истории, идея, сказка, бред...

Валерий Брюсов, «Париж», 1903

5 апреля – Шереметьево, автобус А-310, взлет в 10.21. Нормальный полет, и даже покормили с вином «Пьер жавэ» в маленькой бутылочке. И разговоры с соседями, с художником Алексеем Шмапиновым и его женой Кариной, живущими на Западе.

Приземлились в 13.57. Такси и с ветерком до Парижа – 196 франков. Маленькая гостиница – Hotel Charlemagne на rue Charcot – две звезды. Номер 307 на третьем этаже в торце здания, 470 франков с завтраком, 11 дней – 5.170 франков, это где-то 780 долларов – фавор от Эдика. Погода серая, как в Москве, +6. Удобство – метро рядом. 16 округ – по существу ближайший пригород Парижа. Взбодрились кофе и на метро покатали на Елисейские Поля. И в первом кафетерии «Бриош» перекусили булками с помидорчиком, ветчиной и еще чем-то, пирожное и чай – «ти».

Походили по «полям», поглазели на дорогие витрины магазинов, вернулись на авеню Мадрид, вышли на Мориса Барреса, где стоит Мишин дом (точнее, где он снимает апартаменты) с окнами на Булонский лес. В 20.08 по-московски, в 22.08 по-парижски вернулись в отель, без ног...

6 апреля – ночью было прохладно, без раскаленных

московских батарей. Скромненький завтрак: масло, джем, круассаны, кофе с молоком – и так все 11 дней, без разнообразия.

Первый маршрут: музей Орсе (12-я линия метро, Солферино). По мнению знатоков, Musee d'Orsay – самый удобный в мире, он расположился в здании бывшего ж/д вокзала – огромное и роскошное здание. Осмотреть все выставленные картины практически невозможно, тем более с ходу нас ошеломил Густав Курбе с его знаменитыми «лоно» – с черным манящим туннелем наслаждения. Недалеко оказался скандальный «Завтрак на траве» Эдуарда Мане (1863). И несчетные персональные залы художников, и каждая картина знаменитее другой: Энгр, Делакруа, Коро, Пюви де Шаванн, Ренуар, Писсарро, Сислей, Одилон Редон, Тулуз-Лотрек и т. д. Новая экспозиция поляка Жака Малцевского. Стоп, хватит перечислений, сделаем отступление и вставим кусочек из будущей на тот момент моей книги «За кулисами шедевров» (2005) об Эдуарде Мане и его «Завтраке», тем более что он – мой ранний ровесник, родившийся ровно 100 лет ранее меня – 23 января 1832 года в Париже. Умер в 1883-м, в возрасте 51 года.

Мане в молодости выгнали из студии как недостаточно одаренного. Но он настойчиво искал свой путь, ломая глухую стену непонимания, пошлости, рутины, созданную признанными академиками живописи. Когда преграды и бастионы косности пали, то неожиданно для всех открылся голубой

и сверкающий мир – пленэр. Яркие лучи света заиграли на холстах. Зрители, привыкшие к коричневому полумраку и тусклому отблеску свечей, вдруг увидели на картинах золотистый солнечный свет, настоящую революцию света. Он играл и переливался. Воздух вибрировал и ломал привычные линии. Сдались даже старые адепты академизма, всех потянуло поучаствовать в завтраке на траве в обществе обнаженных дам.

Но это потом, а вначале шквал неприятия и критики. Император Наполеон III назвал картину Мане «неприличной»... Не менее ожесточенное неприятие вызвала другая картина Мане «Олимпия» с желтым животом и похожая на гориллу, – подобное сравнение было в ходу...

Последняя картина Мане «Бал в «Фоли-Бержер» – сцена шумной и блестящей жизни Парижа. Полотно имело шумный успех и художника объявили кавалером Почетного легиона, на что художник грустно заметил, что власть «могла сделать меня счастливым, а теперь это уже слишком поздняя компенсация за 20 лет неудачи».

В день смерти Эдуарда Мане 30 апреля 1883 года его коллега Эдгар Дега сказал: «Он был более велик, чем мы думали».

Великий Эдуард Мане! Импрессионизм в живописи обязан Эдуарду Мане всем, но сам он, что удивительно, остался вне его. Он повлиял на всех своих коллег-художников, но предтечей импрессионизма не стал. Он просто вдохнул

жизнь в новое направление живописи, одновременно став и новатором, и традиционалистом.

Но отложим книгу «За кулисами шедевров» и вспомним великолепные залы, своды и этажи музея Орсэ (30 метров в высоту и 140 в длину). Устав, поднялись в кафе наверх, и закружилась голова: перед нами оказался стеклянный витраж-часы, сквозь которые открылся вид Парижа. И только кофе со вкусом шоколадного торта привел нас в чувство. Добавили к увиденному еще Анри Руссо, Ван Гога, Сера и, нагруженные по самую макушку эстетизмом, вышли на воздух, на набережную Анатоля Франса, и взошли на мост Александра III. Тоже можно сказать, чудо из чудес. Величественный, истинно имперский и не лишенный изящества (и что такое наш Крымский мост, к примеру, в Москве? Так, дорога для транспорта над водой. Без всякого шика и шарма).

Далее так называемый Дом Инвалидов – великолепный ансамбль архитектурных сооружений с потрясающим золоченым куполом. Франция всегда участвовала во многих войнах, и Людовик XIV подписал эдикт о сооружении «священного приюта для славных ветеранов».

Была построена просторная богадельня, военный музей, собраны трофейные пушки, церковь Сен-Луи-дез-Инвалид, и потрясающая гробница Наполеона (из карельского порфира, присланного из России с согласия Николая). Гробница французского императора производит сильное впечатление своим величием и художественностью. Великий импе-

ратор, победитель многих сражений: Каир, Абукир, Маренго, Ульм, Фридланд, Эйлау, Аустерлиц... Провел много удивительных реформ. Прославился на все времена и... плохо кончил. Невольно вспоминаются печальные строки лермонтовского «Воздушного корабля»:

*Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный стюртук...*

*Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодным России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою...*

«От солдат, – говорил Наполеон, – требуется прежде всего выносливость и терпение; храбрость – дело второе». Наполеон Бонапарт был кумиром многих поколений, и в частности, юной Марины Цветаевой. Да и в моем раннем архиве хранится открытка с изображением Наполеона. Книжки Тарле и Манфреда об императоре я читал почти с восторгом...

После осмотра Дома Инвалидов, – это я возвращаюсь к парижской прогулке, – мы подкрепились обедом и отправились на отдых в отель (в первый поход вышли около 9 утра, вернулись в 14.35). Немного вздремнули, пополнили силы, и вновь – труба зовет!

От метро «Бастилии» к новой опере, прозванной парижанами «бегемот в ванной». Далее по рю Сент-Антуан к площади Вогезов, которая свое начало ведет с 1612 года. Очаровательная площадь. Со всех сторон ее окружают особняки с аркадами, в центре – сквер. На площади находится дом, где жил Виктор Гюго и где он написал много романов, в частности «Отверженные».

Далее улица Риволи с аркадными домами, отель де Виль (парижский муниципалитет), здание украшено статуями. Перед зданием – фонтанчики. Красиво, ну, и что-то еще видели, осмотрели, восхитились и, как говорится, без ног. Эх, Париж создан для молодых спортивных ног. Пенсионерам в Париже тяжело... Возвратились в отель, снова отдохнули, поспали и в третий тур. В метро первой линии до Шато де Венсен (до Венсенского дворца), в нем жили все французские короли, начиная с XI века. Вернулись еле-еле, но что об этом! Кто-то воскликнул: Париж стоит мессы! А я скажу: и громадной усталости!..

7 апреля – проснулись рано, и на завтрак, на столике лежит свежая газета «Фигаро» (предпочел бы «Правду» или «Советский спорт»). И вперед, к знакомому уже отелю де

Виллю, по пути попали в какой-то хозяйственный универ-
маг и обомлели от изобилия хозяйственных «штучек» – ру-
чек, гвоздиков, замков и т. д. и т. п. Для русского челове-
ка это непривычно пугающе, а что выбрать?! Приходили в
себя у модерн-фонтана Игоря Стравинского. А дальше Бо-
бур – Центр им. Жоржа Помпиду. По дороге готическая цер-
ковь Сент-Эсташ, где Ще поставила свечку... Знаменитое
Гранд-опера, которое в эмигрантском отчаянии подумал в
одном из стихотворений взорвать Георгий Иванов... Зашли
внутри и осмотрели парадную лестницу. А закончили про-
гулку по Елисейским Полям. Снова отель. Отдохнули, и что?
Руссо-туристо неумен: в 17.30 модный Дефанс, вскоре ста-
ло темнеть и над Парижем завис серп луны. В отеле нас на-
вестили Эдик со Светой и подарили три роскошных розы.
Немного ТВ – футбол, эстрада, – и легли в половине первого
ночи по-московски.

8 апреля, 4-й день – по 13-й линии метро отправились
в Сент-Дени, в собор XII–XIII веков. Ранний шедевр готи-
ческой культуры. Из Сент-Дени на Елисейские Поля, свер-
нули и ба! – Елисейский дворец, резиденция президента.
Подошли к гвардейцу-стражнику (под два метра) и наивно
спросили, а можно ли подарить книгу «Клуб 1932» Жаку
Шираку. Гвардеец ничего не понял по поводу книги, в во-
рота, естественно, не пропустил, но при этом был улыбки-
во любезным и только повторял: «Россия! Путин!»... Фокус
пообщаться со знаменитым ровесником не получился. Нет

так нет, – мы пошли на Фобур-Сент-Оноре, где расположились дома моды самых знаменитых модельеров Кристиана Лакруа, Ива Сен-Лорана, Карла Лагерфельда, Джанни Версаче, Ашиды из Японии и др. Ну, и, конечно, Живанши и Кардена.

В глазах и голове все путалось, а мы шли и шли – Галереи Лафайет, отель «Бристоль», снова вышли на Шамс-Элизе и вновь подивились праздничной и разнообразной толпе гуляющих по Елисейским Полям, кто в дорогой меховой шубе, кто в легкой спортивной майке, кто во что горазд. Никакого казарменного однообразия. Снова «Бриош», снова бутерброд-булка, чай, пирожное, и вернулись в свой угловой отель в 13.50. Сок маракуйя и лежбище часа на три.

А вечером в гости. Эдик появился в Париже и принимал нас на съемной квартире на улице Инкерман. Интеллигентная квартира с книгами и с выходом на крышу-садик. Там наш спонсор учинил не ужин, а скорее пир: лососина, индейка, салаты, разнообразные фрукты, соки (лично я полюбил мульти), израильское кошерное вино, ликер, – и все от пуза. Нагрузились, как два танкера. В 11-м часу вечера Эдуардо отвез нас в отель на своем «Пежо». Был такой, кажется, фильм «Сладкое обаяние буржуазии» – не помню точно. Но обаяние и запах денег...

9 апреля, воскресный день – вышли в 9.15 (11.15) и более шести часов мотались по городу. На метро миновали район Пасси, где жил Бунин, и посетили кладбище Монпарнас. Ря-

дом 59-этажный небоскреб, как считают французы, символ больших надежд и безвкусицы. Само кладбище за бульваром Распай. Здесь могилы Шарля Бодлера, Беккета, Мопассана, Сен-Санса, Сартра и Симоны де Бовуар и еще многих других знаменитостей. Там же упокоился и русский эмигрант Хаим Сутин. Случайно набрали на захоронение Пьера Ля Русса, автора знаменитого словаря. А что касается бедного Бодлера, то у него много строк, посвященных смерти, «где правит ночь, хозяйка гробовая».

*И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моленья,
Добыча гробовых гостей...*

(перевод В. Левика)

А рядом с кладбищем небольшой художественный рынок – картины, украшения и разные безделицы. Сияющая и кипящая жизнь... Заглянули на Монпарнаский вокзал, а далее отправились на остров Ситэ. Вышли из метро – базар цветов, птичек и разной живности. Углубились в заповедный район на остров Сен-Луи, где, как отмечают справочники, «царят покой и богатство». Посидели в каком-то ресторанчике – 263 франка, как говорил Маяковский: «небольшие деньги, поживи для шика».

В обратный путь по Орлеанской набережной вдоль острова Сите, колыбели Парижа. Дошли до конной статуи Генри-

ха IV и немного посидели в садике, прислушиваясь к гудящим ногам. Пошли дальше и посидели в кафе Сары Бернар. И снова пошагали мимо колонны в честь побед Наполеона.

Возвратились в отель. Передых к вечеру, снова Шанс-Элизе.

10 апреля – с утра бурчание и недовольство: номер узкий, не развернешься, завтрак скудный и прочее. Надо выползать и знакомиться дальше. Решив, поехали в район Сан-Керман-де-Пре, литературный центр Парижа. Площадь Одеон и прилегающие изысканно элегантные улицы с неповторимыми рельефами домов. И все кругом дышит историей. На улице Конде в доме № 26 Бомарше в 1773 году написал комедию «Севильский цирюльник». В легендарное кафе «Вольтер» заходили сам Вольтер и Дидро. В более поздние годы – поэты Верлен и Малларме, еще позднее – Хемингуэй и Скотт Фицджеральд, который где-то рядом с кафе написал своего «Великого Гэтсби».

В другом не менее знаменитом кафе «Maro» (Les Deux Magots) висит список знаменитых посетителей, начиная от Артура Рембо. Часто тут спорили за столиком Сартр с Симоной де Бовуар... Нашли русский книжный магазин Струве, и там я подарил и подписал свою книгу: пусть знают!..

В 12.13 – исторический момент на подъемнике на Сакре-Кер. Базилика с отражением разных архитектурных стилей, в том числе и античности. Любопытно, что этот собор возведен «во искупление грехов коммуны»... Его строитель-

ство закончили в 1919 году, и с его площадки Париж виден как на ладони. Помимо подъемника, можно подняться к Сакре-Керу и по узким ступенькам, их 217... Рядом бьется художественное сердце Монмартра, рай для художников и туристов. Посидели в кафе: кофе и кусок торта с клубникой – на 110 франков. Спустились вниз с холма на бурлящую улицу с магазинами, зашли в «Тати» – магазин бедных, купили маечку – всего 19 франков. Для смеха.

Далее учинили проход от площади Пигаль до «Мулен Ружа» – кругом эротические заведения, соблазнительные фото и картинки и пахнет пороком. «Скорей отсюда!» – тянет меня Ще, подальше, подальше «от буффонады нагих тел, женских и мужских». Вышли на станцию метро «Бланш», и в отель. Накупили разных сырков, фруктов, йогуртов – все это дешевле, чем в кафе. И устроили в номере французский ужин.

Отдохнули, и снова в дорогу. В 19.15 встретились со старой мадам Парижа – Эйфелевой башней. Когда-то она (300 метров вышины) была самой высокой в мире. Сегодня ее давно обогнали другие высотки, но не обогнали ее в кружевном железном изяществе. Она парит над 7-м округом и всем Парижем. С разнообразной цветовой подсветкой... Полюбовались и двинулись на Марсово поле, далее на авеню Рапп и вышли к военной школе и к памятнику генералу Жофру. А на Трокадеро взглянули на другого полководца Франции, Фердинанда Фоша. А пока шли, стала зажигаться Эйфелева

башня и переливаться огнями, а нам-то, бедным советским людям, казалось, что краше рубиновых звезд Кремля ничего не бывает. Далее без комментариев...

Вернулись в отель поздно. Переполненные впечатлениями. О, Пари!..

11 апреля – встали и обнаружили, что ноги сводит судорогой от нахоженности – плата за пешие прогулки. Накушались Парижем? Нет, еще нет. И отправились в Лувр, а он... закрыт. И пришлось пойти в сад Тюильри (jardin des Tuileries) наслаждаться роскошью фонтанов и скульптур. Этот сад разбили для Екатерины Медичи, чтобы она не очень скучала по родной Тоскане. Далее Риволи. Подивились конной статуе Жанны д'Арк. И далее, далее, мимо Галереи Лафайет, торгового центра «Самаритянин». И в каком-то маленьком кондитерском магазинчике я зацепил шоколадную вазу, и она с треском разбилась. Мы с Ще застали в ужасе. Прибежала какая-то уборщица, все убрала и, взглянув на перепуганную Ще, улыбнулась ей: «Мерси, мадам!» Спасибо за происшествие! А что было бы в нашем магазине? Крик, вопли, базар, а возможно бы, и мордобой... Наши нравы – не их нравы!

После осколков шоколада приходили в себя в церкви Сент-Трините. Возвратились в отель. Отдохнули и, наконец, Эдуардо выкроил для нас время и повел в Пиццу-Хат на проспекте Шарля де Голля. Сицилианская вегетарианская пицца оказалась обалденно вкусной, да плюс еще блюдо с цыплятами. Водичка, мороженое – до отвала. Но это не все,

Эдик повез нас на ул. Мориса Барреса, в Мишины апартаменты, где познакомились с 11-летней Сонечкой, внучкой Эдика, которая с удовольствием демонстрировала нам, как она дрессирует сиамскую кошку: «Прыгай! Иначе я из тебя паштет сделаю!...»

В подземном гараже Эд показал нам Мишин красный «Ягуар», а потом сели в серебристый «Пежо» и отправились в автопрогулку по Парижу, при этом ноги почему-то не гудели. Улица Лян, советское посольство, Булонский лес, туннель Альма, набережная Кеннеди, улица Моцарта и обратно в отель. Так прошел еще один парижский день.

12 апреля – прохладный день, как раз для музея. И, наконец-то, Лувр. А это – бесконечный сплошной лабиринт коридоров, залов, лестниц, галерей. Скульптуры и картины. От Древней Греции, от Венеры Милосской, до шедевров Эль Греко и Гойи. По Лувру тяжелее, чем по улицам Парижа, все время надо всматриваться, восхищаться и ахать. Устали, сели на банкетку и перекусили под картиной Гвидо Рени, художника из Болоньи. Приободрились и насладились «Жилем» Антуана Ватто, а уж от «Бани» Энгра оторваться невозможно. Женские прелести – клубника со сливками... Никола Пуссен, Клод Лорен, Франсуа Буше, Жан-Оноре Фрагонар... А после, как взрыв: «Свобода на баррикадах» Делакруа. Революционный порыв с обнаженной грудью. Интересно, повлиял ли Делакруа на строки Хлебникова «Свобода приходит нагая»?..

Как всегда, клубящаяся толпа около «Джоконды». Я смотрел на Джоконду, как на свою знакомую, с которой мы встречались не один день, когда я писал книгу «Улыбка Джоконды» (она была подписана в печать 3 февраля 1999). И казалось, она улыбалась исключительно мне. А вот и мой поклонник и хроникер жизни появился. Приятно вас видеть...

Оторвавшись от Джоконды, бредем по залам дальше. Обилие картин фламандцев и... начинается «синдром Стендаля» – головокружение от красоты. И поняли: только в отель! Первый выход закончился (9.35-14.35), а потом состоялся второй (17.35–19.30). Без Эдика. По авеню де Голля, в боковые улицы, еще один памятник Жанне д'Арк. И на упокой – немного ТВ и беспокойный сон, с кошмарами из Франсиско Гойи...

13 апреля – наконец-то Эдуардо освободился от навалившихся на него дел и посвятил нам более 12 часов, с утра до вечера, возил нас туда-сюда, плохо зная парижские дороги и паникуя при этом. Меня он возвел в «штурманы», а Ще – в чтицу дорожных указателей. Так и передвигались. Начали с Мальмезона – резиденции Жозефины Бонапарт. Дворец, парк, весенняя зелень, тишина, словом, райское место. Только вот вопрос, была ли здесь счастлива Жозефина? Но историей заниматься некогда, и мы нащупываем новый маршрут: Буживаль, музей-дачу Тургенева. Но музей закрыт, открыт только по воскресеньям, на воротах большой, чисто российский амбарный замок. Так и не узнали, в какой обстановке

жил здесь Иван Сергеевич...

Далее – Сен-Жермен-ан-Ле – замок и музей антиквариата. Один золотой бюстик женщины, сделанный чуть ли не 20 тысяч лет назад. Вот это анти! Из Сен-Жермена снова путаница в дороге, въехали в какой-то длинный туннель и Эдик завопил: «Его же не было! Когда построили?!» Однако благополучно выехали на знакомого Шарля де Голля. Заехали на квартиру на Инкермане. Какой-то передых, Эдик весь в машинных делах. Наконец освободился, снова в машину и в музей современного искусства на авеню президента Вильсона. Приехали – музей закрыт. И на Барреса в Мишину вотчину.

Обратно в Нейи-сюр-Сенн, но не прямо, а через Булонский лес: Эдик решил показать нам вечерние прелести свободной любви. Почти в ряд выстроены «девочки» с открытыми интимными местами в надежде на съем. Эдик сознательно замедлил ход машины, и жрицы любви почти бросаются на машину. На лице одной четко выделяется синяк. «Что это?» – удивляется Эд. «Это на сдачу», – отвечаю я, печальась о судьбе свободных женщин. И это не Эрот, не любовный пыл, это просто сделка купли-продажи. Недорого и быстро... Тайны Булонского леса. Дневной Булонский лес – для праздника и невинных развлечений, ночной – для торжества порока.

И тут хочется воскликнуть: а криминал?! Любая чаща леса – криминал, а уж Булонский – тем более. Здесь 6 июня

1867 года медленно ехал на лошади русский царь Александр II. Прогулку прервали два выстрела поляка-террориста Антона Березовского (одно из покушений на «царя-освободителя»). Александр II был ранен. Возвратясь во дворец, где он пребывал, заметил своей свите: «Вот видите, господа, похоже, я гожусь на что-то, раз на меня покушаются».

25 января 1937 года там же в Булонском лесу был насмерть зарезан Дмитрий Навашин, много знавший о преступных деяниях ГПУ, и он замолчал после того, как его настигла в Париже «рука Москвы». Да мало ли чего еще происходило в обширном Булонском лесу.

14 апреля – с утра нацелились на бульвар Бомарше, на магазин русской книги. И там обменяли свой «Клуб 1932» на томик Марселя Пруста «В направлении Свана», хотели продать, но вышло так, что обменяли. Тем более что цена оказалась одинакова: 80 франков. Я вышел из магазина и не мог некоторое время прийти себя: «Я и Пруст!» Это что-то невообразимое! И разве можно возразить французскому мэтру, что «настоящий рай – потерянный рай».

В 2008 году вышла моя книга «Знаменитые писатели Запада. 55 портретов». И там эссе о Прусте: «В поисках утраченного времени». А разве любой дневник, любое воспоминание – это не поиски утраченного времени?.. Эссе вышло пространное и печальное, как и сама жизнь писателя, и чтобы скрасить немного повествование, я привел шуточные строки, адресованные одному из переводчиков Пруста – Ни-

колаю Любимову:

*Даже бабы, будь им пусто,
День и ночь читают Пруста.
Только ляжешь к ней в постель,
Глянь – а там уже Марсель.
«Коля, Пруста дай прочесть,
Окажи такую честь!»*

С улицы Бомарше отправились искать русскую церковь на Дарю, 12 – храм святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.

Историческая церковь, связанная со всей русской эмигрантской жизнью. Здесь крестили, венчали и отпевали. Увы, не повезло: храм оказался закрытым. На дверях объявления по-русски о поисках работы с предложением разных услуг: менаж, глажка, коррекция бровей и т. д. И рядом с церковью ресторан «Петроградъ» – в меню есть зубровка от ностальгии по утраченной родине...

А потом Эдик и повез нас кормить. Вкусно, аппетитно, от мазареллы до красной рыбы... И в Люксембургский сад, в любимое место парижан, где гуляют, флиртуют, любят и страдают. Именно сюда приходили великие страдалцы – поэты Бодлер и Верлен. Поль Верлен часто тосковал и хандрил, и спрашивал самого себя:

Откуда кручина

*И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего...*

В Люксембургском саду деревья, боскеты, лавочки, скульптуры: и все тот же Верлен, и Жорж Санд, и другие властители дум и сердца. Осмотрели Люксембургский дворец. Аллеи, дорожки, по которым кто только не гулял: Ватто и Давид, Модильяни и Цадкин, Андре Жид и Рильке, тут бродила самовольно сбежавшая от Гумилева Анна Ахматова в 1910 году. Юная Марина Цветаева прибегала в Люксембургский сад и писала здесь стихи. Обо всем этом можно разворачивать длинные тексты, но пора покидать Люксембургский сад, чуть слышно напевая песенку о нем Джо Дассена.

Да, забыл написать, как трудно добирались до Люксембургского сада. Эдик никак не мог выехать на нужную улицу к саду, названную в честь знаменитого французского физика и химика, и недоуменно кричал:

– Где Гей-Люссак?!

– Жопа, ты на нем стоишь! – без всяких сантиментов обозлилась Ще, напомнившая, что лев далеко не мирное животное и может иногда угрожающе рычать.

Я напряг память и вспомнил, что в школе мы, кажется, проходили какого-то Жозефа Гей-Люссака, который вывел закон, согласно которому коэффициент расширения всех газов одинаков. Короче, жопа-Люссак со своими газами...

Пока искали Гей-Люссак, позвонил Миша и сообщил отцу, что он женился в третий раз (потом Светлана, чтобы не путали с мамой, переименовалась в Еву). Миша предложил выпить за брак. Мы вернулись на Инкермана (тут Эдик не спрашивал, где памятник лошади?)

и отпраздновали это событие ужином с шампанским (тогда мы не знали, что надо было пить не сладкое шампанское, а исключительно горькую водку).

15 апреля – предпоследний парижский день посвящен Версале. Эдик плавно катит по дороге А-13 и проскакивает место назначения, пришлось поворачивать назад. В Версале провели около двух часов и не заходили в главный дворец, зато погуляли по парку, который создал Ленотр, мастер перспективных построений со множеством бронзовых и старомодных статуй. Территория парка около 100 гектаров. В один день не обойдешь. Здесь устраивались королевские праздники и театральные представления. Все это было в Версале, лет 100 или 300 назад, а в день нашего посещения по парку Версаля гулял сильнейший ветрило, который в какой-то момент сбросил кепку с моей головы, и мы втроем бросились ее спасать. Но догнала улетевшую кепку какая-то юная Жанна д'Арк...

Из Версаля перебрались в маленький городок Севр, где расположены мастерские Севрского фарфорового завода. Севрский фарфор известен во всем мире. В мастерские, однако, не пошли, а кинулись в местный Макдональдс – все

быстро и вкусно. Сам городок чудесный, как говорится, это вам не Мытищи, где уют и комфорт днем с огнем не сыщешь (даже в рифму заговорил).

Обратно плутали по дорогам и, наконец, выехали на окружную. «Перфирик – это наше спасение!» – заключил Эдик и газанул по трассе. Поездка в Версаль заняла часов 6, не меньше. Заехали к Эдику, и он устроил очередную обжираловку, от швейцарского сыра до израильского вина, рыба, томаты и т. д. Трапеза завершена, и в подземный паркинг, но в отличие от фильма «В джазе только девушки», никто никого не расстреливал, да и «Белых гетр» не было. Ще спокойно ждала выезд у бака № 61. По выезду возникло желание проинспектировать клиентуру и живой товар в Булонском лесу, но сил уже не было. Да и Щекастик строго отверг мое скромное предложение. Только в отель, только в «Шарлемань»!

16 апреля – последний, 12-й день. Утром вышли из отеля погулять. Как назло, ясный и солнечный день без предыдущей серости и дождика. Прошлись по авеню де Мадрид. Заглянули на окраину Булонского леса. Бегают спортсмены, резвятся собачки, – все, как полагается.

В 11.05 были уже в аэропорту Шарля де Голля. Трата последних франков на шоколад. В 13.50 аэробус взлетел в парижское небо. По-московски было 15.50. В половине 9-го вечера были уже дома, на улице Куусинена. В подъезде шел ремонт и пахло масляной краской. Париж и ремонт – такое вот сочетание.

Утром 17 апреля началась послепарижская московская жизнь с тяжелым воздухом и плохой экологией. Вспоминая поездку, приведем отрывок из Николая Агнивцева:

*Париж – любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!*

*Париж кокеток и абсента,
Париж застывших луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И всех Людовиков Париж!*

*Париж бурлящего Монмартра,
Париж верленовских стихов,
Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!..*

На этом, пожалуй, закончим о Париже-2000, и до новых встреч!.. (19 мая 2019)

25 апреля

Приехали в Москву. В подъезде нашего дома ремонт. Обнаружили, что парижский транспорт – не чета московскому, особенно метро – многолюдное, шумное, угрюмое, с длинными интервалами остановок, в противоположность парижскому – легкому, какому-то задорному и часто с музыкой и

пением. Там даже в вагонах живут, а мы в Москве лишь добираемся до места назначения...

18-го начал печатать по горячим следам впечатления о Париже. В итоге 15 машинописных страниц. А еще клеил и дизайнировал фотоальбом по Парижу и, надо сказать, с удовольствием. Купил сок (в Париже все время пили), сплошной сахар, и вылили в раковину. Как говорил Остап Бендер: «Нет, это не Рио-де-Жанейро!» И не Рио-де-Пари!

23 апреля поехали на съемки «Академии», на следующий день – на радио, на Пятницкую, и пошел помолот. А еще Валера Горкин затащил меня на «Народное радио» и 50 минут эфира. Успел ответить на несколько звонков. Одна женщина посетовала, что вот уже 20 лет как вдова и ей так «не хватает поцелуев, касаний, цветов...». Это реакция на мой рассказ о жизни, о чувствах, о любви. Мадам. Простите, больше не буду затрагивать чувствительные струны. Виноват...

Встреча с Лесневской. Была очень любезна. А практически ни о чем не договорились...

30 апреля – погода сюрпризирует феноменом: то в апреле рекордное тепло, двор густо зазеленел, то в конце месяца – майские холода. И идет какой-то мор: ушел Львов-Анохин, последний из Кукрыниксов – Николай Соколов, артист Петр Глебов (Григорий Мелехов в «Тихом Доне»), писатель Сергей Залыгин, красавица Алла Ларионова. Убит Вильям Похлебкин... Ну, а я? Помимо съемок и радиовыступлений,

печатаю «Россию, XX век». В «Аккорде» вышла публикация «Исповедь немзыкального человека». Сперанский устроил в своем салон-магазине изящную презентацию журнала. С музыкой, фуршетом и тостами.

9 мая – Дмитрий Дибров тут высказался с печалью, что его тянет в литературу, но «туда его еще не звали». А пока – он сын многих эфирных ТВ-программ: «Сегодня я есть, а завтра все меня забудут к чертовой матери...» Ну, я с книгами, с бумажками, с дневником, с разными публикациями, – чтоб не забыли? Нет, просто занимаюсь тем, чем мне интересно.

На 1 мая – холодрыга и мурлыканье Карела Готта: «Скажи мне, скрипка Паганини...» А она в ответ – таинственные сладкие звуки. По ТВ разные западные раскованно эротические фильмы. «Дьяволицы» – Шэрон Стоун и Изабель Аджани на пару топят в ванне своего любовника. Французский «Романс» с порнозвездой в главной роли, фильм не эротический, а почти гинекологический... (Да, было такое время, когда Россия тянулась за Западом и проходила порно-курс. А спустя годы все резко свернули и зажали страну в патриархально-религиозные скрепы – «Господи, помилуй!» – 20 мая 2019).

2 мая ездили в гости к Людочке и ее маме. Шампанское и коньяк «Мартель». А на следующий день по приглашению Маши Володиной – в Большой театр. В ложе бельэтажа – прекрасно видно. Балет Пуни «Дочь фараона», декорации и

костюмы Пьера Лакотта, помпезно-красивые. В роли дочери фараона – Нина Ананиашвили, английского лорда танцевал Сергей Филин, нубийская невольница – восходящая звезда Маша Александрова. Ще получила огромное удовольствие, и мне было любопытно. В антракте зрительница (оказалась моя поклонница по радио и газетам) показала нам царско-правительственную ложу, и Ще даже присела в зальчике за ложей, где отдыхали верховные правители страны. У Ще был вид Кисы Воробьянинова, который подпрыгивал на стуле, где были, как ему казалось, спрятаны бриллианты... Походили по фойе, и страшное разочарование по сравнению с Гранд-опера, в Париже – великолепие, у нас – потуги. Из Большого прошлись по Тверской, и Ще с грустью: «Я архитектурно разочарована...» Не надо ездить по Парижам, и тогда все будет патриотично и прекрасно! Запад – это отрав...

4 мая – по Первому каналу разливался Александр Дольский: «где все тосковали по эссесеру / и где воровали все в меру...». А потом в программе «Добрый день» включили мой голос, записанный по телефону, немного об Александре Вертинском. Лариса Вербицкая: «Это Юрий Николаевич Безелянский, который выступает у нас часто...»

5-го были в Союзе женщин в Глинищевском переулке на выставке картин Людыварламовой. Пришлось выступить, я начал со слов: «Люблю трех художниц: Наталью Гончарову, Бертуморизо и Людыварламову...»

7 мая записывал сразу три программы на «Дарьяле»: су-

пруга Наполеона Мария-Луиза, поэт-гитарист Аполлон Григорьев и композитор Феликс Мендельсон, который считал себя счастливым человеком, но счастье его оказалось коротким... После съемок «студентки Академии» бросились к монитору, как все получилось. А я посмотрел мельком, хмыкнул, как старый барбос, и уехал домой... Увиденный на днях фильм «Французский поцелуй» (США, 1995) с Мэг Райан и Кевином Кляйном мне понравился больше...

14 мая – приезжала Людочка со своим будущим мужем Бобом Харрисом, видным деятелем демократической партии США. Показывал ему архивы, переводила Люда, а Боб только цокал языком. Это было 9-го, а 11-го позвонил Андрею Вознесенскому и пожаловался на невнимание критики, на что Андрей посоветовал: «Не обращай внимания, у тебя и так уже есть имя и тебя знают в кругах...» В каких кругах? Литературных? Но круги молчат. Еще Андрей пообещал пригласить на заседание Пен-клуба. И... (вот именно «и»: ничего не состоялось. Одни обещания и никакого исполнения – 21 мая 2019).

Неприятный момент: налет черных масок на холдинг «Медиа-Мост». И пух и перья от гнезда инакомыслия. Первая президентская речь: одна Родина, один народ, одно будущее. Очень напоминает призыв печально знаменитого Адика: Германия-народ-Фюрер...

А тем временем по «Дарьял ТВ» шла одна из лучших моих программ о Бернарде Шоу. А в «Радуге» Атарова вовсю

цензурирует «Коктейль “Россия”». Мне она сказала: «Вы все время пытаетесь дожать патриотов». И снимает отдельные, на ее взгляд, крамольные фразы, вроде: «Строили третий Рим, а получили 4-й микрорайон Азиопы».

А я от России отвлекся на маркизе де Сада: скоро юбилей – 260 лет со дня рождения. Изучал переводную книгу Дональда Томаса о де Саде плюс различные вырезки, – и вот строчу черновик... Попал в очередной опрос «ВК», достойная компания: Наталья Дурова, актер Филиппенко, Юрий Мамлеев, Сличенко, Стеблов, Матвей Ганапольский, художница Татьяна Назаренко, короче, широкие круги общественности.

19 мая – я ворчу, недоволен, но при этом понимаю, что не прав, ибо разве это не счастье: сидеть дома, заниматься любимым делом и выбирать себе темы по своему вкусу. Чапаев? Нет, увольте. Маркиз де Сад поинтереснее и познавательнее...

Ездил в «Радугу», получал роялти, «Вера, Надежда, Любовь» с дополнительными тиражами – издано 20 тысяч экземпляров, «Джоконда» – 15...

28 мая – если записывать все, что сделал, куда ездил, где выступал, с кем общался, то получится длинный информационный список. Сократим его до предела.

18-го по «Дарьялу» прошла программа о Мессалине. Сразу позвонил Анисим и, как опытный телевизионщик, сказал, что я молодец! Программа удивительно интимная, ка-

мерная, таких нет ни на каких каналах...

По поводу заседания ПЕН-клуба решительно выступил Георгий Вайнер, прилетевший из Нью-Йорка: «А зачем? Зачем мне Гюнтер Грасс? Писать он меня научить не может. И о чем с ним тогда говорить? Как правило, все писатели неинтересные и скучные, лучше их знать по книгам». Тоже верно...

Неожиданность: прилетел Капланян и вручил журнал «info...», в номере вместе с отрывком Ерофеева «Москва-Петушки» – отрывок из книги «Страсти по Луне» и 200 долларов. Капланян сказал, что в Америке мои книги продаются. «Широкие круги» – дошли и до штатов?..

23 мая – бал в «Геликон-опере». Пригласил с собой Эдуардо, он получил большое удовольствие. А когда был фуршет, то пробивался к столу и приносил бутерброды, прирожденный Санчо Панса: «А вот с красной рыбкой – попробуй!» Интересно, если я не был писателем, стал ли он за мной ухаживать?.. В свою очередь подарил Дмитрию Бертману «Улыбку Джоконды» и напросился на приглашение на «Леди Макбет». Культуролог профессор Шерель наговорил кучу комплиментов, что, мол, «Академия любви» – одна из лучших и интеллигентнейших программ на нашем агрессивном ТВ. Сергей Ветров: «Программа оригинальная. Смотришь на коленки девочек и возбуждаешься, смотришь на Безелянского и успокаиваешься. Полная гармония...»

Помпезно принимали в Почетные кавалеры и дамы новых

членов – Спиваков и Татьяна Назаренко. Надарили всяких подарков. Чествование первых Кавалеров (Нагибина и меня) прошло куда скромнее. Но времена меняются... Пообщался со Спиваковым, Володей Вишневым, Львовичем, маститым литературоведом Бенедиктом Сарновым. Он мне пожаловался, что у него готовы три книжки, а издать их не может «А как удастся вам?» – спросил Бенедикт. Что касается концертной программы, то она была на уровне. Домой нас с Ще отвез Эдик на машине, как белых людей.

А на следующий день – работа. Начал писать о пребывании Ромена Роллана в Москве в июне 1936 года для еженедельника «Эхо планеты» и о питании в Париже для новой газеты «К столу москвичей» – газету пробила Флора. Сделав два материала, взялся за Афанасия Фета для очередной «Академии».

«Сияла ночь. Луной был полон сад... Ты пела до зари, в слезах изнемогая...» Увы, мы пишем, «не изнемогая», а скороспело, на выдохе: успеть, отвезти, получить деньги. Прости нас, грешных, Афанасьевич. Добавлю в скобках: в 2008-м вышла книга «69 этюдов о русских писателях», а там – этюд «Пропали ли ласточки Афанасия Фета?».

Принимали у себя Эдуардо со Светой. Их поразили фотобомбы. В субботу 27-го ездили в Калистово...

29 мая – вчера были на открытии научно-практической конференции «Человек и семья: преодоление насилия» в Горбачев-Фонде, в рамках «Клуба Раисы Максимовны».

Собралось около 70 журналистов и экспертов, в том числе мы с Ще. Среди приглашенных Улицкая, Сараскина и др. Генниева привезла и раздала участницам мой «Клуб 1932» через фонд Сороса. В разговоре со мной Улицкая призналась: никуда не ходит, ничего не читает, переживает свой возраст. Опасная установка...

2 июня печалят уходы: Ангелина Степанова, Олег Ефремов. Культурологически я ближе к Ангелине Степановой (опять же жена Фадеева) и далек от современной Маши Распутиной... В «Вечорке» вышел маркиз де Сад. Сократили, остались сухие факты, но исчезла концепция...

30-го с Эдом ездили в «Радугу»: переговоры, книги, заявки. Потом неожиданно на Арбате попали в стоматологический центр «32», и его шеф Сорокоумов, узнав про книги, про «Клуб-32», возбудился и закупил несколько для своих пациентов: Искандеру, Шаинскому, Роксане Бабаян, Людмиле Лядовой и др., и закатил смешной банкет из бутербродов с колбасой. Слово «банкет» он произнес весьма торжественно, что было очень смешно...

10 июня – наступило лето, в плане политики – «эпоха военной демократии» или, как кто-то выразился, «праздник послушания». Никаких возражений, несогласий, критики, все лапки кверху!.. Отказал в опросе в «ВК» по поводу деятельности РПЦ... В «Эхо планеты» вышел материал «Двуликий Сталин ошеломляет Роллана»... По ТВ был оригинальный английский фильм «Евгений Онегин» (1999). В ро-

ли Онегина – Ральф Файнс, Татьяны Лариной – Лив Тайлер. Фильм пронизан тонкой английской иронией.

15 июня – в несчастливый день 13-го был арестован олигарх Владимир Гусинский, и над его медиа-империей нависли тучи. Ще в страхе, издадут ли теперь «Коктейль “Россия”»?.. Да, толкают страну – к изоляционизму, к железному занавесу, к тоталитаризму?..

17 июня – у Ветрова столкнулся с Екатериной Лавинской, лидером партии «Девственницы России», и Сергей загорелся идеей напечатать в своем журнале «Времечко» беседу знаменитой девственницы со старым Дон-Жуаном, то бишь со мной...

Из «Времечко» поехал на радио, получил гонорар, натолкнулся на секретаря Академии Российского телевидения. Узнав об «Академии любви», она, Елена Григорьева, предложила мне выставить на «Тэффи»: для этого нужно предоставить пленки и 100 долларов (?). Я отказался, пускай этим занимается босс Вайнер. Ну, и прочие встречи и дерганья. А в эти дни от сердечного приступа скончался в 60 лет Григорий Горин, как предупреждение: не шустри!.. Как любит говорить Боря Давидовский: «Бэнц, и Ленского не стало!..»

24 июня – еще одна возникла идея сделать книгу «10 загадочных мужчин и 10 роковых женщин», и под нее начал сочинять про Альфреда Хичкока. А там – Марлен Дитрих, Коко Шанель и пр. Ездил в «Радугу» и успел на флажке в «Коктейль “России”» вставить строки Александра Городницкого:

*Зодчий Карл Иванович Росси,
И художник Левитан,
Как ответить, если спросят,
Кто вы были меж славян.
Тюрки, немцы или греки,
Из каких вы родом стран.
Имена теряют реки,
Образуя океан.*

Политическая обстановка серьезная, и гложут сомнения, выйдет книга о национальных проблемах России или нет? Вопрос. На Западе против нашего наката на медиа пишут, что «Путин показывает свое кэгэбешеное лицо».

21-е – сплошной Хичкок. Добил 12 страниц. А на следующий день поехал на Пятницкую. Записал программы на р/с «Маяк»: криминал и любовь. Отказался выпить с Кудриным, и далее на Тверской бульвар – в «Эхо планеты». Оттуда в ЦДЛ платить взносы. И все надо, надо, надо... Первый канал ТВ пригласил в какую-то программу «Цивилизация», а я, как тягучий лейтенант Коломбо из ТВ-сериала, уже не успеваю...

26 июня – маленькое отдохновение: на Неглинной с Ще побывали на выставке «Парижское кафе» – Борис Григорьев, Зданевич, Дейнека, Коровин, Судейкин... Около метро «Революция» столкнулись с митингом коммунистов. Какой-то бесноватый оратор кричал, что «у нас в годы войны было все:

танки, бомбы, пушки!..» А что сейчас, не хватает пушек на каждую мирную единицу? И еще митингующие несли плакаты: «Евгений Киселев, Сванидзе, Доренко – современные геббельсы!». Господи, какая же у них каша в голове!..

1 июля – на машине отвезли в Останкино, рукгруппы Сергей Алексеев горит желанием сделать со мной историческую рубрику, он хочет, а начальство? И поэтому: «Ничего не обещаю», ну, а я: «Ничего не жду». В примерной гримировался вместе с вдовой Игоря Ильинского актрисой Еремеевой, она мне неожиданно подарила книгу о режиссере Борисе Равенских. Ну, а я рассказывал под запись о том, что происходило 100 лет назад.

28-го поехал на Арбат, в Большой Афанасьевский, в какой-то студии располагается штаб-квартира председателя партии девственниц 30-летней Лизы Лавинской. Почти рядом идет съемка обнаженной модели для «Плейбоя». Голая модель сидит на подоконнике и в руках держит черный зонт. Слышны команды: «Открой!.. Прикрой!.. Развернись!..» – чтоб поэффектнее и поэротичнее. Потом фотограф добрался до нас с Лизой: усадил спинами друг другу и щелкнул. И где-то этот снимок наверняка мелькнул... Сама Лиза – некрасивая и бубнящая женщина о том, что все мужчины тупые и агрессивные. Подарил главной девственнице свой «Налог на любовь».

29 июня – встреча в бизнес-центре на Тверской с миллионером Б., он предложил написать книгу о том, как начинался

бизнес его и друзей. О том, как студентами мыли окна, как торговали книгами и оренбургскими платками и т. д. Книга-откровение. Естественно, за деньги. «Я подумаю», – сказал я. Встреча на «Динамо» с Игорем Добронравовым: обмен книгами, я ему «Клуб 1932», а он – свое и пресс-центра детище – огромный фолиант, посвященный футбольному клубу «Динамо», на эту историческую хронику Игорь потратил почти 10-летие. Что ж, у каждого своя миссия...

7 июля – о бытовых делах – ни слова. А вот творческие закончил. 11 страниц текста «Михаил и Наталья. Русская лавстори» – о великом князе Михаиле Романове – 32 страницы. Вел переговоры с Анелей Меркуловой о большой программе, а, может быть, сериале – «Русский след», о судьбе знаменитых русских эмигрантов. Долгие, тягучие и безрезультатные переговоры, ибо мало написать текст, под него надо пробить немалые деньги... А тем временем «Коктейль “Россия”» отправлен в типографию в Можайск (загнали за Можай – есть такая поговорка)... В журнале «Времечко» вышел материал о Наполеоне и Марии-Луизе, в «Эхо планеты» – о ноте Керзона.

И к вопросу, как нахожу своих героев? По-разному, иногда случайно, так, искал кого-то в своем архиве, и вдруг вывалилось досье с вырезками о Льве Троцком. И я загорелся: Троцкий – это архиинтересно!.. Одна опасность: назовут троцкистом...

11 июля – за один день проглотил два тома воспоминаний

Троцкого «Моя жизнь». Лев был не без литературного таланта. Ездили на Ваганьково. 48 лет прошло после ухода мамы. И вот только что: Булат Окуджава, Горин, Брагинский... динамовцы: Лев Яшин, Игорь Численко...

16 июля – раньше мечтал о Париже, теперь о Звенигороде: передохнуть, подышать... Ну, а 12-го дышал воздухом Останкино и подвергался излучению Останкинской башни. Вез меня бывший геолог, ныне работы нет, и пришлось сесть за баранку. Приехал в редакцию – сплошное уважение и респект за умение просто и доходчиво доносить исторические темы. Вместе со мной в программе была Маша Арбатова, мы с ней даже немного сцепились: Зюганов – политик или нет, моя позиция: горе-политик, даже и квази... Ну, а в эфире разговор шел о супружеских изменах, в разговоре еще участвовала Лена Левина. Я говорил о Суворове, Багратионе, Бальмонте...

14-го завершилась эпопея с «Садом любви»: поехал к Песковой, и она отдала мне рукопись с листами цветного ксерокса и кассетой с набором. Как жаль: могла бы выйти роскошная книга, но все уперлось в деньги и, как говорят в Одессе: ша!.. Чтобы сгладить так и не расцветший «Сад любви» в течение пяти лет (!), подарила изданные ею «Золотые альбомы» к 200-летию Пушкина. Пушкину повезло больше, чем мне. Не знаю, рад ли он (там, на небесах), но я за него рад. Ну, а мне пришлось утешиться вышедшей газетой с материалом «Париж – город гурманов». Еще печатал Троцкого и

вполглаза смотрел «Академию любви» – Вольтер...

21 июля – в «Радуге» роялти и цифры проданных книг («Вера, Надежда...», «Джоконда», «Луна», «Клуб 1932») – из 45 тысяч экземпляров книг не проданы – 13. 610. А более 31 тысячи улетели... Маюсь с «Капризами любви», никак не могу пристроить, даже в «Деловом экспрессе» – не катит никак. А все начали с «Рипол-классик»...

Продолжаю печатать Троцкого, а в голове крутится идея книги «Российские монстры» – Иван Грозный, Бирон, Бенкендорф, Аракчеев, Держинский, Ежов, Берия... 20-го приезжали телевизионщики, обговаривали программу «Русский след». Переговоры без реального движения вперед... Пока реальность: Троцкий и лечение зубов (как получу гонорар, то тут же надо бежать к стоматологу, – такая вот странная зависимость).

27 июля – в «Эхо планеты» отвез материал «Бальзак и бальзачок». Шел по бульвару, на лавочках сидят люди, пьют, чешутся, лежат, милуются и т. д. А я, бедненький, все время куда-то иду-мчусь-опаздываю, что-то сдаю, что-то получаю и весь в круговерти. С Тверского и на Пятницкую, на радио... Приезжали брать интервью для цветного журнала «Библио-Глобус», шеф издания Екатерина Симонова утверждает, что я – популярный писатель. Неужели?!..

Вот я, вроде бы, обижаюсь на свою суматошную жизнь, а рядом со мной сколько одаренных людей и не востребуемых, и они кукуют и жалуются. В этой связи вспомнил ци-

тату из Эразма Роттердамского: «Чаще всего побеждает тот, кого не принимали всерьез». Может быть, может быть...

Закончил Троцкого, в итоге – 81 страница. Неплохо. Перед Звенигородом взял путеводитель. Как неинтересно и блекло писали в советское время. Писали, и считали себя писателями и журналистами. Сейчас это читать невозможно.

28 июля – 4 августа. ЗВЕНИГОРОД. Если отбросить мелочи, то все было хорошо. Отдохнули, отоспались, были даже дни, когда днем к кровати прикладывались по три раза. Газеты объясняли, что все дело во вспышке на солнце. Ненормальное повышенное давление превращает человека в сомнамбулу. В Москве людей увозят с инфарктами и инсультами. Веселые дела.

Жили в полулюксе, две комнаты – спальня и гостиная, два балкона-лоджии и напротив сосны. В доме отдыха «Звенигород» явно лучше, чем в Софрино. Есть библиотека, смотрю на «Б» – Безуглов есть, а Безелянского нет: за последние три года библиотека не приобрела ни одной книги. Из библиотеки к Москве-реке. Познакомились сходу с экскурсоводом Светланой Юревич, подарил ей «Налог на любовь». Потом она сказала, что книга ей понравилась, но... «очень жестковатая, какая-то медицинская», ей Руслан Киреев больше нравится. Киреев – так Киреев...

Первая экскурсия на «Боинге» – разбитом допотопном автобусе. Посмотрели Успенский собор. Затем в местечко Дютьково, где жил Танеев. Живописный уголок, лавочка

Левитана... Экскурсовод заявила, что Звенигород и Сергиев Посад – два подмосковных Барбизона (видно, читала о Франции, но там не была).

1 августа – Щекин юбилей, 60 лет. Летний солнечный подарочный день. Вторая экскурсия – Новоиерусалим – город Истра. Идет реставрация, и полного впечатления нет. Понравился Гефсиманский сад за Гефсиманской башней. Конечно, не сад, а большое зеленое пространство куртинами. Скит Никона, речка Истра, которую называют Иорданью. Словом, своя доморощенная Палестина. Вспомнились строки Пастернака «Гефсиманский сад».

*Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный Путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть...*

Вечером в баре по бокалу «Мартини бланко» и мороженое. Вот так чуть отметили круглую дату... На следующий день открыли для себя по соседству солидный санаторий «Звенигород» от мэрии со старым дворцом Лопухиной, одной из фавориток Павла I. Дворец с колоннами в коринфском стиле. Тогда мы не подозревали, что будем сюда приезжать, как к себе домой, с выступлениями перед отдыхающими «Нам не дано предугадать...»

В 11 часов утра 4 августа выехали из Звенигорода, и через полтора часа уже были дома. Первый звонок в «Радугу»

гу»: в Можайске сломалась фотонаборная машина, и, соответственно, сигнал новой книги задерживается. Взялся за накопившийся пук газет. В «Сударушке» у Ще вышел текст об Аракчееве, в «Москвичке» – колонка и поздравление с юбилеем. Я подарил Ще книгу «Сто одна поэтесса Серебряного века».

13 августа – пока я был в Звенигороде, разразился финансовый кризис на «Дарьял ТВ», и съемки были приостановлены. Вышли в свет только «Бандиты любви» в издании «Кумиры». Остальные материалы зависли.

3 августа в 19 часов включили новости – взрыв на Пушкинской в подземном переходе. Сто человеческих жертв. «Ад в центре Москвы» – напишет одна из газет. Террористы пришли или доморощенные?.. И снова можно рассуждать о печальной судьбе погибших: молодую женщину Ольгу Удалову только что приняли на работу в «Московские новости», отпросилась пораньше по делам и... взрыв. Я часто хожу по этому переходу, и что теперь, не ходить?..

10 августа ездил в «Пашков дом», работа над книгой «Россия, XX век» идет полным ходом, мне дали набор, в котором я сразу утонул. Все хорошо, но денег на книгу пока нет... В «ВК» сокращенный Хичкок.

17 августа – по Игорю Северянину: «И невозможное возможно в стране возможностей больших...» – вышла в свет книга «5-й пункт, или «Коктейль “Россия”». Толстенный том, 558 страниц. Моя 10-я книга и 5-я, изданная в «Радуге».

Даже не верится, что моя бредовая идея воплотилась в реальное издание. 15 августа получил книгу, и к вечеру всю ее пролистал-прочитал. Грандиозно... «Коктейль» выпит, или, скажем так: с плеч долой. А вовсю движется, громыхая в голове, книга о Москве. Все время что-то приходится дополнять найденной информацией или каким-то новым ЧП...

20 августа – и ЧП, да еще какое! Гибель подлодки в Баренцевом море. Минимум информации, все засекречено, боятся западной помощи. И как написали в «МК»: все верхи и ВМФ «думали только о своей жопе! И о теплом кресле под ней...». Старый советский атавизм: главное государство, мощь, империя, а на людей можно наплевать, какие-то «винтики», и что, их надо обязательно спасать?!. Противно все это до тошноты.

18-го ездил в «Радугу». Получил авторские экземпляры «Коктейля», а Атарова еще подарила трехтомник моего любимого Киплинга. И кстати, о солдатской участи:

*«Эй, Томми, так тебя и сяк, катись, и черт с тобой!»
Но он – «защитник родины», когда выходит в бой.
Да, Томми, так его и сяк, не раз уже учен,
И Томми вовсе не дурак, он знает, что почем!..*

И, конечно: «О, Запад есть Запад. Восток есть Восток, и с места они не сойдут...» И безрадостная служба: «День-ночь, день-ночь, – мы идем по Африке...» Приехал домой с «Коктейлями» и тремя томами Киплинга и засел за свою «Афри-

ку»: за октябрь в книге о Москве.

19 августа – историческая встреча на Болотной площади с Василием Аксеновым, автором «Звездного билета» и других популярных книг, с ровесником, которому я вручил книгу «Клуб 1932». Показал «Коктейль», но не подарил. Если захочет – купит.

С Аксеновым мило пообщались, гуляя по скверу на Болотной втроем – Василий Палыч, маленькая собачка по кличке Пушкин (тибетский терьер) и Ю. Б. Аксенов посетовал, что ему не пришла в голову идея написать о звездных ровесниках, ну, а мне – «Звездный билет» и «Остров Крым». Распрощавшись, пошел на Полянку, в магазин «Молодая гвардия» – «Коктейль “Россия”» уже в продаже – 65 ре. Рядом «Вера, Надежда, Любовь». Поговорил с продавцами, рассказали приколы от посетителей магазина, как спрашивают, есть ли в продаже «Москва-Петушки» Зощенко? А Гумилев?

– Вам какого Гумилева – Николая или Льва?

– Ну, не знаю... ну, того, который в полосочку.

26 августа – из Тбилиси прилетела Лика и гостила у нас. Способная девочка, упорно идет к профессорскому званию в области биологии, своя лаборатория в Мюнхене. И О. Ю. ничего не добилась и не хочет, нет, хочет скорее на пенсию, чтобы ничего не делать. На вопрос, какие у нее новости? Ответила: тут с мамой мыли кота Васю. Но коммент!..

В «Радуге» был на дне рождения сразу двух сотрудников.

Зими́на распоряди́лась подарить всем собравшимся книгу «Коктейль», и я всем ее подписал, а кому-то даже посвятил строчки. К примеру, «Александру Борисовичу»:

*Книжник с головы до ног.
А какой распространитель!
Все исполнит точно в срок,
Ибо «Радуги» хранитель.*

23 августа добил рукопись «Московские даты – люди, события» – 922 страницы. Фолиант!.. В последний день в Москве Лика мне, старому, давала советы, как выбивать гранты, как выходить на славистов и т. д. Грант – это 50 тысяч долларов, при этой цифре Ще сползла с дивана. Это же меховое мантио, поездки в Европу, ремонт в квартире, наконец!.. Я вяло улыбался, понимая, что ничего не выйду, да и хватка уже не та и энергии маловато...

30 августа – к гибели подлодки «Курск», взрыву на Пушкинской добавился пожар на Останкинской башне. Какие-то зловещие знаки новому правителю России... Ну, я и печатал текст про Киплинга, а 28го поехал в «Радугу» отвозить рукопись о Москве: половина текста в сумке на плече, вторая – в руках в пакете. Писатель-такелажник, без грантов и без внимания славистов... Самочувствие? Болит голова. Ноет печатающий палец. Что-то вступает в правую ногу. Но об этом только в дневнике, по секрету...

С Эдиком ездили на Востряковское кладбище, там моги-

лы отца и матери Эдуардо и моего отца. Возложили цветы. На обратном пути наткнулись на захоронение академика Андрея Сахарова: вогнутая вглубь стела-плита из черного мрамора. И надпись: Андрей Сахаров и годы жизни. Никаких званий. Да, и стояла осенняя скорбная погода с мелко морозящим дождем. Скорбь и память...

9 сентября. 4-го созвонился с Владимиром Войновичем, получил приглашение и пошел к нему в гости в районе станции «Аэропорт». Полчаса проговорил со своим знаменитым ровесником. И обменялись книгами: я ему «Клуб 1932», он мне свою книгу «Монументальная пропаганда» с надписью: «Юрию Безелянскому – одноклубнику 1932 – с пожеланием монументальных успехов во всех начинаниях». Я сказал Войновичу, что никак не могу прорваться с предложением издания книги на Запад, а в ответ услышал: и не прорветесь без литературного агента. Ну да, а где взять? И еще, наверное, мне мешает незнание какого-нибудь иностранного языка. Не выучил. Не хватило воли. Не захотел отвлекаться от своих планов...

А так все по-прежнему. Стучит машинка, телефонные звонки, личные контакты, в «Вечорке» дали рекламу «Коктейля “Россия”»... 6 сентября открылась Московская международная книжная ярмарка. Только подошел к стенду «Радуги», как просят подписать «Коктейль». Какой-то бородастый доктор наук признался, что вчера читал, не отрываясь от него, до полуночи. На ярмарке распространяли реклам-

ный номер магазина «Библио-Глобус», в котором напечата-
ли интервью со мной под заголовком «Юрий Безелянский
эпатирует...» А внутри журнала более спокойный заголовок
«Хранитель времени». Я бы добавил: хранитель времени с
маленьким гонораром.

7 сентября – в «Вечорке» вышел отрывок главы о театре –
об актрисах и актерах, – с веселеньким подзаголовком: «Ан-
тисемитам эта книга вряд ли понравится».

8 сентября на книжной ярмарке подписывал свой «Кок-
тейль»: не меньше 50 книг. Среди покупателей было немало
еврейского происхождения, один спросил меня: не испыты-
вал ли я, когда писал книгу, давление органов? Я ответил,
что нет, только вот за издательство боялся, что придут патри-
оты бить окна. Но слава Богу, окна остались целыми... Сре-
ди подошедших ко мне самым ценным человеком был ака-
демик Сигурд Оттович Шмидт, мой давний поклонник, ста-
ренький, с палочкой. Он тут же полез в книгу смотреть, что
я написал об его отце, о знаменитом полярнике Отто Шмид-
те. В целом мне вручили охапку комплементарных слов. Пар-
аллельно «Коктейлю» покупали и другие мои книги: Луну,
Клуб. Короче, был небольшой успех. Читают, знают, следят,
любят... Одно плохо: вернулся с ВВЦ еле живой...

14 сентября – продолжение проекта книги «Аромат де-
нег» (такое я придумал название). Сговорились на десять ты-
сяч долларов, аванс на руки пять тысяч. И за работу: надо
встречаться и собирать материалы о том, как начинался биз-

нес у заказчика и его друзей и соратников. И вот тут облом: никто не хочет говорить, вспомнить и раскрывать «производственные тайны»...

16 сентября – ездил в Радиокomiteт, Валерий Горкин записал мое интервью минут на 50, сказал, что разрежет его на кусочки и отдаст на р/с «Голос России» и на «Народное радио», и за меня получают денежку. С Пятницкой на Большую Татарскую (Бывшую Землячку), в «Говорит Москва». Там интервью у меня брала Марина Скалина для программы «Ближе к ночи» (или «к вечеру»?) о книге «Коктейль», о национальных проблемах. А на следующий день – приглашение на Авторское телевидение, съемки во дворце завода АЗЛК, там конкурс частушек. Ну, а я причем? Оказывается, я в жюри, председатель – актер Андрей Харитонов. Сплошной песняк «Не морозь меня, моего коня...» Народные песни и частушку про женскую попку и ядерную кнопку, про то, как поломался трактор, встали элеваторы, будем клеить мужика в губернаторы...» Народный юмор.

*У меня разбита бровь,
И синяк на роже.
Если это не любовь
То скажите, что же?!*

И всем этим певческим речитативом управляет Семеновна – «Эх, Семеновна!» И кто? Конечно, еврейка Марина Голуб. Уже смешно!.. Я сидел, слушал и удивлялся самому се-

бе, куда влип исследователь Серебряного века? Зигзаги судьбы... Да, и какие! В рамках проекта «Аромат денег» попал в офис «Альфа-Эко» на новом Арбате уже в качестве интервьюера. Слушал жуткие истории про постсоветский бизнес...

24 сентября – жизнь какая-то сумасшедшая. 2 сентября исполнилось 68 с половиной лет, и никакого покоя. Увяз в делах, как в трясине. А тут еще и правая нога барахлит, то ли артрит, то ли что, но подхрамываю. У Ще свои приключения со здоровьем. В общем, пара гнедых...

Звонил одному из олигархов, секретарь заявил: «Пока указания связываться с вами нет...» И куда сунулся!.. Так что большие деньги – это мираж в пустыне, и довольствуюсь малыми: получил 50 долларов без всякой ведомости за императрицу Марию-Луизу во «Времечко».

На горизонте возник новый журнал – ежемесячный международный журнал (издается с 1981 года Еврейской культурно-просветительской организацией Chamah). Директор издания Гиллель Зальцман. Наташа Зимянина (дочь секретаря ЦК КПСС Мих. Зимянина) с главным редактором Ларисой Токарь. И началось почти на 20 лет наше творческое сотрудничество, вылившееся в книгу «Золотые перья» (2008). А началось со скромной публикации с поминальника знаменитых людей, родившихся в октябре, для октябрьского номера. Вариация моего старого календаря. Так был запущен новый журнал «Алеф», а в «Пашков доме» во-

всю буксует книга «Россия, XX век».

21 сентября во «Французской галерее» (Витошный переулок) отмечалось 60-летие Светланы, жены Эдуардо. Юбилей был на славу, даже с музыкантами и песнями про тум-балалайку и «чирим-бо-бом». А у меня свой «чирим-бо-бом»: в «Вечерней Москве» вышел Редьярд Киплинг. Отнюдь не рядовая публикация.

В ЦДЛ на презентации книги «Итальянская поэзия» в переводах Солоневича познакомился с Евгением Рейном, другом Иосифа Бродского. Мы сразу прониклись симпатией друг к другу, и я пожалел, что не вхожу в литературную тусовку, ибо в принципе сам ее избегаю. Там все друг друга знают, а я – одинокий волк. Познакомился в ЦДЛ с Татьяной Бек, она подивилась: «Как это вам удастся издать так много книг?..» Не в последнюю очередь, что чужаюсь тусовок, не растрачиваю время, а дома долблю и долблю...

30 сентября – очередной вояж к стоматологу: появилась коронка и новый зуб. С этим зубом отправился 25-го в магазин «Москва» на презентацию «Коктейля “Россия”» (презентация зуба и книги – это интересно!). Подписал книг 15, не больше. Чересчур любознательные покупатели задавали вопросы: «А ссылки есть?», «А это правда, что вы написали?..» В какой-то газете, точно не помню, появилась заметка-рецензия «Опасный пункт», 5-й, разумеется...

26 сентября по приглашению монументальной Катерины Ивановны (главный культорг санатория «Звенигород») впер-

вые (а потом в бесчисленный раз – 27 мая 2019), приехали с Ще выступать, точнее, нас доставили на машине всего за один час. Сначала обед, а потом в зал, построенный амфитеатром, как зал Чайковского. Собралось, я подсчитал, 58 человек. Но Катерина сказала: «Это аншлаг!» Ще рассказывала о Параше Жемчуговой, я – об Инессе Арманд. Собравшиеся отчаянно хлопали. И собрали букет комплиментов. «В Анечку все влюбились», – сказала Катерина Звенигородская. А какая-то отдыхающая подошла ко мне после выступления и заявила, что для нее это счастливый день: знакомство со мной и покупка книг. Господи, как мало порой нужно людям...

В «ВК» вышел великий князь – «Не по царским правилам». Два брата Романовых с разной судьбой и одинаково ужасным концом жизни – Николай и Михаил.

7 октября – в субботу 30-го в Театре эстрады смотрели «Птицы» – светопреставление в двух частях (Геннадий Хазанов, Вячеслав Войнаровский и Кахи Кавсадзе). Подарил Хазанову «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». Думаю: точно по адресу...

Неожиданный звонок из Клуба профессиональных секретарей, там прочитали мою «Веру, Надежду...» и просят у них выступить. И выступление 7 октября в клубе-баре «Будда» на Пушечной улице.

14 октября и выступил. Тема: любовь великих. Секретари офисов засыпали вопросами. И почему-то многих волнова-

ла проблема, как относиться к изменам мужа или любовника? Я отвечал на все вопросы и даже взмок, но за доллары – платное выступление.

Ну, а я весь в заявках, в книгах. В «Радугу» отдал заявку на книгу «В садах де Сада». «Веру, Надежду...» Собираются издать пятым тиражом. А тут повстречал певицу Маргариту Суворову («Якутяночка», «Цыганка Мариула», «Мелодия» и другие песни). Она буквально бросилась мне на шею. Одни любят. Другие молчат. Третьи ненавидят. Пригласили в историко-архивный институт, где собираются «шибко известные люди в своем мире», как сказал сын знаменитого Отто Шмидта. Но не поехал из-за живота: прихватило, и так бывает в этой жизни...

Попалось на глаза интервью Нины Садур. Она печалится: «Мне почему-то никогда не дают никаких премий». И о писателях: «Они не хотят дружить со мной...». У всех свои проблемы, жалобы, претензии. И всем хочется получить кусочек славы. Когда-то поэт Николай Доризо написал строки: «Хочу услышать похвалу. / Заметь меня, старик Державин...» На что получил ответ от пародиста Александра Иванова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.